

© 1997 г.

А.Л. ШИЛОВ

**АРЕАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ТОПОНИМИИ ЗАВОЛОЧЬЯ
И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
ЗАВОЛОЧСКОЙ ЧУДИ**

Топонимия исторического Заволочья (понимаемого как междуречье Онеги и Северной Двины, или шире – как территория, лежащая в пределах бассейнов этих рек и Мезени) давно стала предметом изучения [Матвеев 1971, Агева 1990 101–113] Исследования М А Кастрена, А Шегрена, А Ф Орлова, М Веске, К Виклунда, А Л Погодина, Я Калимы, Т Итконена, В Ниссиля, М Фасмера, А И Попова, Б А Серебренникова подытожены, проанализированы и развиты в многочисленных работах А К Матвеева, который опирается на несравненно более богатый топонимический и апеллятивный материал, нежели его предшественники

К настоящему моменту можно считать доказанным наличие в Заволочье относительно поздних топонимов прибалтийско-финского (запад), коми (юго-восток), самодийского (северо-восток) и русского происхождения На юге региона (басс Устья) А К Матвеевым найдены топонимические следы мерянских переселенцев, предположительно датируемые XIII в [Матвеев 1996]

Что же касается субстратных топонимов (созданных населением Заволочья в эпохи, предшествующие началу русской колонизации), то определенно установлено одно наличие мощного слоя топонимов саамского типа, принадлежащих минимум двум диалектным группам [Матвеев 1979, Матвеев, Стрельников 1988]¹ Но топонимы, которые могут быть отнесены к указанным выше группам, охватывают не всю топонимию Заволочья Часть субстратных топонимов явно принадлежит иным языкам, помимо перечисленных (хотя они определенно являются финно-угорскими), причем исследования Матвеева свидетельствуют о том, что эти топонимы предшествуют саамским или одновременны с ними Этот тип топонимов (для юго-востока Заволочья), назван Матвеевым "северофинским", а соответствующий язык определен как промежуточный между прибалтийско-финскими и саамским с одной стороны и языками волжских финнов с другой² Позднее А К Матвеев [Матвеев 1995, 1996] обозначил такую стратификацию топонимов Русского Севера русские, прибалтийско-финские, саамские,

¹ Вероятно будущие исследования увеличат число древних саамских диалектных групп Заволочья Во всяком случае любопытен следующий факт В [Шилов 1996 60] была предложена этимология названия *Двина* из саамского термина (имеющего соответствия в прибалтийско-финских и волжских языках) со значением внешняя, дальняя, северная При этом наиболее близким к *Двина* оказалась форма слова не кольских (*lavien*) а финских саамских диалектов в западном *Duine* в диалекте Утсийки *diven* Теперь можно заметить что в этих же диалектах есть термин со значением задний который весьма правдоподобно объясняет название р *Шексна*, др русск *Шоксна Шоксна* в западном диалекте *duoksne tuoksne*, в диалекте Утсийки *duesnesna* (из палатализованного *(d)*) ожидалось бы русск *1š(d)z*) **Чоксна*, о колебании *i~ч~и* в анлауте см ниже в разделе *согга*) Здесь мы имеем не только созвучие но и парную оппозицию с названием Двины по относительному положению этих рек

² В целом это соответствует наблюдениям И И Муллонен [Муллонен 1990 1994] над топонимией Межозерья и нашим в отношении территории Карелии В обоих случаях прослеживается достаточно четкая стратификация топонимов русские, прибалтийско-финские, саамские плюс архаичные финно-угорские которые во многих случаях раскрываются из реконструкций для прибалтийско-финского языка основы

"марийские", подразумевая здесь скорее не марийцев, а летописных мерян, но имея в виду полагаемую им близость мерянского языка к марийскому. Доказательство этому Матвеев находит в интерпретации основ ряда топонимов, топоформантов *-бол/-пол*, *-важ/-вож* и некоторых апеллятивных заимствований в северорусских диалектах, определяемых им как марийские. Наши данные, основанные на сопоставлении заволочской и карельской топонимии и анализе некоторых заимствований, позволяют дополнить, а в ряде позиций и оспорить выводы Матвеева в отношении субстратных топонимов Заволочья.

О СПОРНЫХ ТОПОФОРМАНТАХ ЗАВОЛОЧЬЯ

К таковым можно отнести *-еньга*, *-ежма/езьма*, *-бал(а)/-бол(а)/-пола* и *-веж/-важ/-без/-баж*. Первый из них отражает уральский "водный" термин, а распространен, в основном, в Заволочье, Карелии, Финляндии и на Кольском п-ве [Шилов 1997]. Второй остается пока необъясненным (данные автора подталкивают к выводу о гетерогенности его происхождения). Ареал его огромен: почти весь север Европейской России. Во всяком случае эти форманты не являются собственно волжскими.

Топоформант типа *-бола*, чаще присутствующий в ойконимах, нежели в гидронимах, А.И. Попов с полной определенностью трактовал как мерянский в значении "вид поселения" [Попов 1974]. А.К. Матвеев указал, что названия с *-бола/-пола* многочисленны и на Русском Севере, где они членятся на несколько локальных групп (Белозерье, Сухона, район оз. Лача, среднее и нижнее течение Двины, Пинега, Мезень), и пришел к выводу, что северные топонимы – не мерянские (хотя зачастую *-бола* присоединяется к "марийским" основам), но родственны им [Матвеев 1996]. Отметим, что к северо-западу от указанных территорий расположена небольшая группа топонимов на *-поль(-боль)*: *Каргополь* на Онеге, *Таржеполь* на Ивине, *Воеполь* в бассейне Нижнего Выга, древний *Сердоболь*.

О происхождении соответствующих формантов единого мнения нет. А.И. Попов сравнил *-бол(а)* с удмурт. *пал* "сторона" [Попов 1974]. А.К. Матвеев, отметив, что на марийской почве формант не получает убедительной этимологии, предположительно сопоставил его с саам. *hælle* "сторона; половина" [Матвеев 1995]³. Интересно и прибалт.-фин. *pala* "кусочек (в т.ч. – земли), полоска поля" [SKES: 471], в топонимах – "участок земли" [ГНК 1993], а также *palo* "пожога", потенциально имеющее возможность перейти в термин, обозначающий жилище, поселение (вспомним историю русского *деревня*).

Рассматривался еще один вариант. Д. Европеус выводил подобные топоформанты из манс. *паул*, *павыл* "изба", венг. *fulu* "деревня" [Европеус 1876]. М. Фасмер (цит. по [Матвеев 1996]) к венгерскому слову привел (со ссылкой на сообщение Я. Калимы) фин. *palva*, в топонимах означающее "деревня" (ср. *Palwalax* в Водской пятине [История 1987: 294]). Возможно такое значение действительно развилось в топонимическом употреблении из исходного "бесснежное место; место, где стаял снег; прогалина; место на поле без растительности": фин. *pälvi*, *pälve*, *pälvä*, карел., ливвик. *pälvi*, людик., эст. *pälv*, саам. *Vielle*, *p'ïowle*, *heäula*, *pieül^a*, *pilv^(a)*, *piül* [SKES: 682–683; Itkonen 1958: 375]. Таким образом, можно полагать, что обсуждаемый формант имеет если не прибалтийско-финское, то, как минимум, финно-угорское, но не собственно мерянское происхождение.

Вопрос о форманте *-вож/-важ/-веж/-баж/-без/-бож* А.К. Матвеев не считает решенным, но видит выбор лишь между марийск. *важ*, *вож* "корень" (= "место разветвления; исток") и коми *вож* "ответвление, росоха; исток". При этом он указывает, что в прибалтийско-финских, саамском и мордовских языках соответствующих лексем нет, или они фонетически и семантически далеки [Матвеев 1995; 1996]. Нам кажется,

³ Ср. с фин., карел. *puoli*, велс. *pol'*, эст. *pool*, ливск. *piol*, водск. *pooli* "половина, часть, сторона", но и "местность, край, округа".

что при данном подходе упускается чрезвычайно интересная возможность, не рассмотрев которую, нельзя оставаться в рамках указанной трактовки.

Ареал названий с обсуждаемым формантом (в основном гидронимов) не исчерпывается коми, марийскими, мерянскими территориями и Заволочьем. Подобные мы видим и в тверских (реки *Логовежь, Уйвежь*, озера *Скорбеж, Коробожа, Полобжа*), псковско-новгородских (р. *Пчевжа*, оз. *Дербовеж*), вологодских (р. *Цывеж*, древние волости *Арбужевесь, Луковесь, Мадовесь, Череповесь*⁴), смоленско-белорусских землях (рр. *Рутавечь, Весья, Вець: село Ветьское* в грамоте 1136 г. [ДКУ 1976: 9], *Сервеч*), в Ленинградской обл. (*Лемовжа*), в Эстонии (др.-русс. *Омовжа, Омовыжа* (в НПЛ под 1234 г.) < **Emävesi* [Попов 1981], эст. *Emäjõgi*), на юге Карелии (реки *Наровожа, Отовозжа, Ковожа, Кайновозжа*). Трудно сомневаться в единстве очерченного ареала⁵. Но также несомненно происхождение элементов *-веж, -вечь, -вещ, -весь, -вжа, -вожа* (откуда и *-божа, -беж, -бжа*) в названиях западной половины ареала. Это результат русского освоения прибалтийско-финского слова "вода", в древности еще и "река, водоем": фин., карел., водск., эст. *vezi*, велс., ижорск. *vezi*, ливвик., людик. *vezi, veži, veži*, ливск. *vei'ž, ve'ž, vēž*, уральск. **vete*.

К настоящему времени эта традиция номинации водных объектов в прибалтийско-финских языках утрачена⁶, но она жива в ряде других языков уральской группы (коми, самодийских), а топонимические следы ее имеются на всех территориях древнего проживания финно-угров и самодийцев⁷. Так что нельзя исключить, что гидроформанты типа *-веж, -вож, -важ, -беж, -бож, -баж* в Заволочье происходят из слова "вода" местных диалектов прибалтийско-финского типа (в волжских языках имеем марийск. *bet, бүт*, мордовск. *ved, väd* "вода" и соответствующие гидронимы типа *Vad*).

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ МАРИЙСКИМИ "МАРИЙСКИЕ" ТОПОНИМЫ И АПЕЛЛЯТИВЫ В ЗАВОЛОЧЬЕ?

Пока строго не доказана принадлежность какого-либо слоя топонимов определенному языку, их этимологизация в редких случаях бывает достаточно надежной. Чаще это оказывается возможным, если объект обладает выразительными характеристиками, прямо указывающими на вероятную семантику названия; но для этого необходимо личное знакомство с ним. В противном случае, в зависимости от выбора языка для сравнения, выводы, сделанные из анализа одних и тех же топонимов, окажутся различными⁸. Это относится не только к коротким, но и к многосложным топонимам. Так, костромской гидроним *Нерехта* может трактоваться из саам. *nir'rh'* "западный", но и из мордовск. **нерехть*, где *нер-* – финно-угорская основа со значением "болото" или "озеро", *-хть* – показатель множественности в мордовском языке. Названия Архангельской области *Пертема, Пертома, Пертоминск* внешне входят в круг топонимов с основой *перт-* (*Пертозеро, Пертюг, Пертоя, Пертнаволох* и др.),

⁴ Об атрибуции элемента *-весь* в этих четырех названиях см. [Лукичева 1985], с историей вопроса. В любом случае, это названия не русские (ср., например, *Арбужевесь* с прибалт.-фин. *arboja, arboi* "жрец"). Русские названия с *весь* "деревня" писались в два слова, даже если их первый компонент был нерусским: *Пужвина весь, Яня Весь, Келемельская Весь* [Кн. 1500].

⁵ Некоторые конкретные названия мы, возможно, ввели в этот список ошибочно. Так, основы названий *Скорбеж* и *Дербовеж* могут быть объяснены из др.-русс. *скора* "шкура" и *дербь* соответственно (хотя можно допустить соответственно и фин. *sykuri, lukõro* "охапка, куча, скирда" и *terva* "смола", подвергшиеся сильному искажению при адаптации названий славянами). В этом случае и элемент *-веж* получает объяснение на русской почве [Подольская 1983].

⁶ А.И. Попов указывал, что она сохранена лишь ливским языком [Попов 1981]. Можно еще указать названия множества озер Финляндии, с компонентом *-tiet*, осознаваемым как "озеро; плес озера".

⁷ А.К. Матвеев предположил наличие подобной традиции и у предков саамов, сопоставив названия ряда рек *Шача* в марийских землях с саам. *šasse* "вода" [Матвеев 1996].

⁸ Так, границу былого расселения балтов проводили в Белозерье на основании наличия там топонимов типа *Перкумс, Музугмс, Пигумс* [Семелов 1934]. Но сейчас совершенно очевидно, что это велские топонимы, содержащие термин *haitez* "подсека".

восходящих к прибалт.-фин. *perit(i)* "изба" [Матвеев 1966]. Но они могут восходить и к саам. *peártat* "ловушка (на бобра, росомуху)". Проиллюстрируем это положение для топонимов Русского Севера, основы которых А.К. Матвеев определил как "марийские". Названия Заволочья и марийские апеллятивные параллели приведены согласно [Матвеев 1995]. Мы же приведем для тех же топонимов прибалтийско-финские и саамские апеллятивные параллели и топонимы Карелии и Кольского п-ва.

Келгозеро (марийск. *келге, келгы* "глубокий") ср. с названиями *Келкин наволоок, Келко остров, на Олонцы Килгиничи, Килкин наволоок в лахте* [Книги 1930], р. *Келка, Килгамостров*, р. *Килькон* в Карелии, возвышенность *Kelgantshielj* на Кольском п-ве, р. *Kälkäjoki* в Финляндии и с саам. *leäl⁸kan, k'i elg^d*, родит. пад. *k'ïlġan*; "гладкий ягельник; место с редким лесом".

Корна, Корнов, Корнома (марийск. *корно, корны* "дорога") ср. с многочисленными в Карелии топонимами с основой *Карн-, Корн-* (р. *Карная* в Карельском уезде Водской пятины в 1568 г. [История 1987: 140]) и прибалт.-фин. *kaarne, koarne*, саам. *karnas* "ворон".

Кужа, Кужозеро, Кужручей (марийск. *кужу, кужи* "длинный") ср. с названиями р. *Кужа, оз. Кужарви, р. Кужатоя, р. Кужой, р. Куженга, о. Кужишари, оз. Ку(у)жьярви, м. Кужиниеми (Куусиниеми)* и с карел. *kuizi, kuizi*, людик. *kūž(i), kūzi*, вепс. *kuz*, саам. *küss* "ель".

Ломбозеро, Ломбуха (марийск. *ломбо, ломба* "черемуха") ср. с названиями *Ломбозеро, Ломбостров, р. Лумбуица* в Карелии и с саам. **lombal* (саам. *luobhal*), фин. диал. *lotpolo* "озерообразное расширение реки", саам. *luamb* "лесное озеро" (карел. *lambi*) или карел. *lumbah* "кувшинка".

Пистерка, Пистома, Пыстозеро, Пыстома (марийск. *писте, писты* "липа") ср. с названиями р. *Пистайоки, оз. Писто* в Карелии, р. *Писта, оз. Peästjaur* (русск. *Пестозеро* в 1608 г.) на Кольском п-ве и с прибалт.-фин. основой *pist-* с семантикой вертикальности: фин. *pisto* "крутая гора, холм, скала"; карел. *pisto, pišto*, людик. *pišt, pišt(ö)*, вепс. *pišt* "закол, рыболовная плотина" (кстати, людиковская и вепсская формы, в отличие от марийского апеллятива, хорошо объясняют *-ы-* в указанных названиях Заволочья).

Пунжеро, Пунжозеро (марийск. *пунчō, пунжы* "сосна") мы можем сравнить с названиями *Пунча* на Кольском п-ве и дер. *Пунцола* [Кн. 1500], дер. *Пунчевое, оз. Пунчевское* в Карелии, хотя соответствующий прибалтийско-финский апеллятив пока привести затрудняемся.

Пучега, Пученьга, Пучера, Пучозеро, Пучгора (марийск. *пучо, пучы* "олень") ср. с карельскими названиями о. *Пучиха, дер. Путчейла* и саам. *pūġt⁸(A)*, родит. пад. *pūġt⁸A* "metbrum vitile". Названия с такой семантикой (из разных языков) вообще нередки в Карелии.

Шуда, Шудозеро, Шудболото (марийск. *шудо, шуды* "трава") ср. с названием *Шуденлампи* в Карелии, дер. *Судлакши* (1568 г. [История 1987: 79]) близ Приозерска и карел. *šuzi* (**šudi*), родит. пад. *šuden* "волк" или с саам. *suġġ^E, suġt^E* "талый".

Наконец, названия с элементом *Икс-* (*Икса, Иксозеро, Иксома*), которые А.К. Матвеев сопоставляет с марийск. *икса* "залив, пролив, протока; речка, соединяющая два водоема" и костромским диалектным *векса* "межозерный проток" (об этимологических связях терминов: [Матвеев 1974]). Нам это сопоставление представляется спорным, так как топонимы с *Икс-* локализованные на западе Архангельской обл., значительно удалены и от района бытования термина *икса*, и от созвучных с ним гидронимов (подмосковная *Икша*). Зато они входят в ареал гидронимов Кольского п-ва и Карелии, большая часть которых имеет форму *Викс-/Вики-* и лишь на юго-востоке ареала появляется *Ики-* (см. об этом названии ниже), соседствуя с архангельскими *Иксами*.

Это озера *Vehsjawre*, *Vikčjavre* на Кольском п-ве [Itkonen 1958], карельские оз. *Вииксинселькя*, *Виексинкиярви*, *Викиозеро*, *Викиезеро*, *Викслампи*, *Виксиярви* (*Викиозеро*), заливы *Викислампи*, *Виксилакши*, *Викса речка* [Книги 1930], реки *Викша*, *Виксенда*, *Викиезеро* и р. *Викша* (1563 г.: на *Викше озери...* на *Векшо ж озери* [Книги 1930]), *Икшозеро* и р. *Икша* (пр. Верхнего Выга). Кстати, в 1563 г. *Икшозеро* названо: *Выкша озерко*, а неподалеку от него находится исток р. *Окса* басс. Онежского оз. и *Укшозеро*, р. *Укша* басс. Водлы.

Перечисленные озера и речки являются боковыми по отношению к принимающим их воды водотокам и озерам и их названия логично связать с саам. $v̄ue\bar{x} \underset{\text{E}}{\text{E}}$, $v̄je\bar{k} \underset{\text{E}}{\text{E}}$, $o\bar{x} \underset{\text{E}}{\text{E}}$ "ветвь", в топонимах "ответвление, приток" (карел. *oksa*, *okša*; ср. рядом *Икша* (*Викша*), *Укша* и *Окса*). В некоторых случаях форма названий свидетельствует о переосмыслении через фин. *viiksi*, карел. *viiksi* "ус", что для топонимов также может принять значение "приток, протока"⁹. Отметим, что именно это переосмысление скорее всего "задержало" исчезновение начального саамского V- в прибалтийско-финском и русском освоении по мере продвижения на юго-восток; обычно оно происходит раньше (ближе к Кольскому п-ву)¹⁰.

Таким образом, основы "темных" топонимов Заволочья сами по себе непоказательны или малопоказательны в плане поставленной задачи. Намного более информативны в этом плане местные заимствования, что убедительно продемонстрировано А.К. Матвеевым [Матвеев 1973; 1995]. Однако и здесь выводы могут оказаться неоднозначными, если соответствующий термин представлен в широкой группе языков, в нашем случае финно-угорских.

Мыгра "горка, бугор" можно сравнить не только с марийск. *мыгыр* "шишка, горб; желвак", но и с фин. *mykyrä*, *mykerä* "выпуклый, холмистый" [Востриков 1981], к чему мы добавим и фин. *myhkyrä* "шишка, желвак", эст. *mügarik* "неровный, с ямами" [SKES: 355–356], карел. (говор Салми) *mägür* "гора, холм" [ПФГЛ 1991: 61] (ср. с ойконимом *Мигуры* в Карелия).

Чинга, *чингушка*, *чинговатик* "тонкое, но твердое еловое дерево" (со ссылкой на Подвысоцкого, Фасмер дает мезенское и пинежское *чинговатик* "вновь выросший на пожарище лес") может быть сравнено не только с марийск. *чинга* "мелкослойное дерево (которое трудно колоть)", но и с саам. $tsq̄ñ \underset{\text{E}}{\text{E}}$ $k \underset{\text{E}}{\text{E}}$, родит. пад. множеств. $tsq̄ñ \underset{\text{E}}{\text{E}}$ $G \underset{\text{E}}{\text{E}}$ "подпорка" [Itkonen 1958: 629], людик. *išing* "дерево (длиной в сажень), прикрепленное к задней части невода и удерживающая его кошель на поверхности воды" [Kujola 1944: 441] (оно должно быть именно мелкослойным, чтобы дольше не пропитываться водой). Отметим и именование (1597 г.) *Петр Чингин* в Селецком Лопском погосте [История 1987].

Равина "наклонная жердь, шест, к которому крепится парус к лодке" А.К. Матвеев сопоставляет с марийск. *равы* "шест, жердь". Но вряд ли *равина* можно рассматривать в отрыве от северного диалектного *райна*, *райно*, *рейно* "рея" (ср. зафиксированное на Двине в начале XVII в. Р. Джемсом *raïne* – русск. *раины* "рея" [Ларин 1959]), др.-русск. *раина*. Это слово считается источником прибалт.-фин. *raïne*, *raïna*, коми-зыр. *raina* "рея, бугшприт", а само полагается заимствованным из др.-сканд. *rá* "рея, шест" [SKES: 716]. *Равина* могло возникнуть, как локальный вариант *раина* и само послужить источником марийского *равы*.

Туржа "голавль, язъ" (у Куликовского "молодая семга") созвучно не только с марийск. *туришо* "голавль", но и с фин. *tursa*, *turso*, карел. *turzoi*, *turt'ša*, *turt'šu* "морда,

⁹ При этом нет никаких признаков перехода саамского (равно как финского и карельского) слова в географический апеллятив, оно нигде не выступает в качестве детерминанта и, конечно, не связано с распространённой в топонимах финалью *-кал-кша*.

¹⁰ Ср. русск. *Ундукса* (река в Северной Карелии), очевидно через карел. **Unduksen(jogi)* из саам **Vundas*- "Песчаная", что отвечает грунту дна реки, весьма необычному для этого района.

рыло, лицо; мордатый, большоголовый (человек, животное)", фин. *törsö*, карел. *törzä* "мордатый", фин. *torsake* "матерая рыба" [SKES: 1428, 1506]. Ср. с этимологией русск. *голавль* и с прибалт.-фин. *turpa, turb* "морда", но и "голавль".

Наконец – *шардун*. Это слово в значении "некастрированный олень" известно на Кольском п-ве. А.К. Матвеев полагает, что это слово было перенесено туда с более южных территорий и, вслед за Фасмером, связывает его с марийск. *шарды*, мордовск. *сярда, сярдо* "лось". Хотя в Заволочье (как и в Карелии) никаких следов бытования подобного апеллятива не обнаружено, Матвеев считает, что основа *шард* "лось" присутствует в названиях типа *Шарда, Шардболото, Шардозеро, Шарденъга, Шардовка, Шардома, Шардуша*. По поводу топонимов заметим следующее. Во-первых аналогичные есть в Карелии и на Кольском п-ве: *Шардозеро, Шардоваровский ручей, Шардомозеро*, р. *Шардола*, о-ва *Шардонские, Soard-luohhal, Šuorda-tuoddar, Sardjavr, Shardejauravaarr, Šardeilaapp*. Саамские названия Т. Итконен сопоставляет (и ничто не препятствует допустить то же самое в отношении названий заволочских) с саам. *šardei* "журчащий (ручей)", *soard^A* "ветровал" (прибалт.-фин. *sorto, šordo* "ограда пастбища из поваленных деревьев") и с личным именем **šardei*: в 1620 г. записаны саамские имена *Демешика Шардеев, Шардейка Игаексов*.

Сказанное не исключает (но и не подтверждает) былого существования слова **šard* "олень" у аборигенов Заволочья. Но оно не обязательно должно исходить от волжских финнов или свидетельствовать о наличии в Заволочье следов языка волжского типа, поскольку соответствующая основа имеется и в обско-угорских языках: манс. *suŕti* "оленок до года", хант. *sürti* "олень на втором году". Для русского же (Кольский п-в) *шардун* чисто предположительно можно указать территориально близкий источник потенциального заимствования: шведское *hjort* "олень" с переходом *hj-* → *sj-* → *š-* по второй палатализации. Можно допустить и заимствование *шардун* из незасвидетельствованного иносказательного саам. **sard-* "олень", которое могло восходить к *sar^{DD^E}* "кусочек мяса" или *serdtei* "бродяга, кочевник".

Рассмотренные примеры показывают, что наличие соответствующих слов в лексике Заволочской Чуди еще не является свидетельством в пользу близости этого языка к языкам волжских или же прибалтийских финнов.

О ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ ЗАВОЛОЧСКОЙ ЧУДИ

Как и топонимия, заимствованная лексика Русского Севера являлась предметом множества исследований; их результаты в целом рассмотрены А.К. Матвеевым [Матвеев 1995] (см. также [Востриков 1978; 1981; Субботина 1985; Гусева 1971; Дерягин, Комягина 1971]). Показано, что подавляющая часть заимствований раскрывается из прибалтийско-финских языков, другие из ненецкого, коми и саамского (о марийских заимствованиях по нашему мнению говорить еще рано, см. выше). Но ряд заимствований не нашел еще разумного объяснения. С точки зрения выяснения языковой принадлежности аборигенов Заволочья интерес представляют, в первую очередь, эти последние. Ниже мы рассмотрим "темные" географические термины, некоторые из которых распространены исключительно в Заволочье¹¹.

едома

Слово *едома* известно на Русском Севере, прежде всего в Архангельской и Вологодской областях, со следующим кругом значений: "холмистая земля; плоско-вершинный холм; высокий берег реки; возвышенность за рекой; глухой дальний лес; плохое угодье; болотистая земля; всякая отдаленная земля" [СлРЯ, вып. 5; Субботина

¹¹ В плане решения рассматриваемой проблемы было бы крайне интересно провести также анализ "темных" заимствований, отмеченных Л.А. Субботиной [Субботина 1985] в соседнем с Заволочьем Белозерье. Из 160 собранных ею географических апеллятивов нерусского происхождения таковых оказалось 23. Часть из них повторяется и в Заволочье (*едома, согра*), часть является узлокальной (*оманга, войндык*).

1985; Алабугина и др. 1974; Федоров 1971]. Термин перенесен русскими в Сибирь, означая в Якутии "невысокая гора; вторая пойменная терраса реки", на Камчатке "невысокая гряда или холм" [Мурзаев 1984: 197].

Ранние упоминания слова в формах *едома*, *едма*, *едмище* датируются XV–XVI вв. и локализируются в бассейнах Онеги и Сев. Двины: *нижняя Едма по Огайску реку, а от Огайску реки по ручьи, кои промежи двема едмами* [ГВНП 1949: № 277], *а техъ сель пожни и лесы... и страдные земли и ловища и едмища, а то Василью* [ГВНП 1949: № 170], *вверхъ по той горе и по едоме до верхние стороны Белоручья* [АИ 1842, 2: 92].

Соответствующие же топонимы распространены территориально шире. Можно указать: волость *Сидорова Едома*, дер. *Мокрая Едома* в Пермской губернии, уезд Устюжский [Акты писц. 1990], *Едомское озеро* [АИ 1842, 1: 209], дер. *Едома* близ Шексны [Акты СВ, 2: № 391], дер. *Николо-Эдома* на р. *Эдома* – пр. Волги близ Тутаева (в 1488 г. названы р. *Едома* и *Едомский стан* [Акты СВ, 3: № 243]), деревни *Едома* на Печоре (близ устья Цильмы), на Пинеге, на Мезени, на Лудонге (приток Двины), деревни *Едьма* на Волюге и Устье (басс. Двины), *Ниж. Идьма* на Кулое (пр. Ваги), дер. *Идомор* в басс. Пижмы Вятской, *Идомка* – пр. р. Ружа в Нижегородской обл., с. *Едимново (Едимоново)* на Волге у Конаково и *Едомский лес* близ него. Многочисленны и микропонимы типа урочище *Едома*, луга *Едомка*, *Подъедомка*, поле *Едомка* [Алабугина и др. 1974].

А.И. Попов считает родственным этому слову элемент *-едам/-одом* в названиях ряда населенных пунктов на территории бывших мерянских земель (преимущественно в басс. р. Кострома): *Шельшедам/Шельшедом* (1504 г.), *Иледам* (XIV в., в 1450 г. *Иледом*, ныне с. *Ильдомское*), *Качкодом*, *Шушкодом*, *Тюхтедомово* [Попов 1974]. К этому можно добавить *Лоходомово* на р. Кострома и *Талдом* (ранее такж *Толдом*, *Толдам*).

В целом происхождение термина считается неясным [Kalima 1919:17; Фасмер, 2: 9; Матвеев 1996]. Предлагавшиеся этимологии (из фин. *eda maa, etä maa* "дальняя земля, передняя земля" [Погодин 1907; Федоров 1971]) сомнительны по причине отсутствия соответствующих прибалтийско-финских топонимов в Финляндии, Карелии и Вепском Межозерье. Но термин *едома* и соответствующие названия наиболее часты на территории распространения древней топонимии прибалтийско-финского и саамского типа. Это дает нам основания для сопоставления этого термина с саам. *vājd^A*, родит. пад. *vājDot* "большая гора с густым лесом" (саамское *v-* в анлауте часто пропадает в русской передаче и прибалтийско-финских соответствиях). Указанный апеллятив продуктивен в собственно саамской топонимии. С ним, очевидно, связаны топонимии *Вайда-зуба*, *Войтитундра*, *Войта* на Кольском п-ве, *Вайтасаари*, *Войдома*, *Ваитлеская губа* ([Мат. 1941: 368]; видимо из **Vaida-leäxše*) в Карелии. Быть может в этом списке впоследствии окажутся и некоторые другие названия, ибо мы подозреваем, что саамские "свернутые" топонимы (см. о них: [Itkonen 1958: XXI]) типа **(V)eidomaž < Veidom-jawre* "дремлют" в некоторых карельских названиях типа г. *Домашняя*, пор. *Домашний*, оз. *Домашнее*.

Приведенные примеры показывают, что к саамскому термину (или родственному ему, но утраченному термину прибалтийско-финского языка-основы) могут восходить и топонимы, обычно рассматриваемые как славянские: *Удомля* (р., оз. басс. Мсты), *Видомлицы* (дер. на Мсте), *Ведомша* (близ Плещеева оз.), *Ведомка* (пр. Москвы-реки), *Ведьма* (р. в Нижегород. обл.), *Ведьма* (р. басс. Немана; ср. с др.-прусск. *Weytimis*), *Видомля* (село в Белоруссии; в 1646 г. *Wiedomla* [Жучкевич 1971]). Последнее название В.А. Жучкевич выводит из местного термина *видма* "песчаная дюна", но сам этот термин, не имеющий славянских соответствий, возможно связан с *едома* или непосредственно с финно-угорским источником (ср. с названием порога *Выдумский Бык* на Ангаре, явно произошедшем из перенесенного в Сибирь термина – варианта известного *едома*).

финно-угор. *o (→ др.-саам. *o) > саам. *uo*, фин. *a* (показано еще К. Виклундом) и соответственно: *koidoma*, *küätsam*, *kaidu(moa)*.

лагмас

В Архангельской области отмечено слово *лагмас*, означающее "заболоченный лес с буреломом" [Матвеев 1968; 1970], "низкое болотистое место на берегу реки" [Алабугина и др. 1974]. Там же бытует слово *вагмас*, практически идентичное по значению с *лагмас* [Матвеев 1968; 1970; 1993; СРНГ, вып. 4]. В связь с этими терминами ставится ряд микропонимов на юго-востоке области (*Вагмас*, *Лажмас*, *Лажмасы*) и *Лажмаз* в Свердловской обл.

По мнению А.К. Матвеева термины имеют общее происхождение, а переход *л* → *в* мог произойти на почве языка коми в XVII в. Этимология для *лагмас* предложена не была, *вагмас* А.К. Матвеев сравнивает с эст. *võhmas* "остров в болоте", фин. *vehmas* "густой лиственный лес", *vehmas* "зеленеющий, густой" [Матвеев 1993; 1995]. При этом он полагает, что вокализм первого слога отражает особенности финно-угорского диалекта Чуди Заволочской, отличающие его от современных прибалтийско-финских языков и сближающие его с диалектами кольских саамов (см. *ласта*).

Помимо указанных выше топонимов приведем и другие, которые могут происходить от финно-угорских терминов с основами *vVhm-*, *IVhm-* (о финали *-ac* см. в разделе *пенус*):

р. *Вохма* – пр. Ветлуги; дер. *Вихмесь* на р. Паша; пос. *Выхма* в Эстонии; *деревня на Вегмассе у Вегмасского озера* [Кн. 1500] на Карельском перешейке, на карте XIX в. оз. *Wehmais*; оз. *Vehmasjärvi*, прол. *Vehmersalmi*, дер. *Vehmasmäki*, *Vehnia* в Финляндии.

р. *Лекма* в басс. Камы; дер. *Лажмокурья* у Кубенского оз. (упомянута в XVI в., ныне входит в состав пос. Устье [Чайкина 1988]); оз. *Легмозеро*, тonya *Легмас* в Белозерье¹⁴; оз. *Легма* в басс. Вытегры; руч. *Легмас* – пр. Ояти; *Лажмозеро* в басс. Илексы; *Лажмозеро* на Кольском п-ве; *Лажмозеро* на р. Шуя. Любопытно, в свете семантической идентичности *лагмас* и *вагмас*, что последнее название мы видим в писцовых книгах 1563 г. в вариантах: "на Лажмоч озере... за Вогмом озером" [Книги 1930].

В финно-угорских языках не видно источников, к которым могли бы быть возведены указанные названия (помимо тех, что приводит А.К. Матвеев для *вагмас*) кроме, разве что, карел. (говор Суоярви) *elihtmä* "топкое место на болоте" [ПФГЛ 1991: 25] с неясной этимологией. Но, с учетом позднего происхождения *h* в прибалтийско-финских языках, ранняя форма искомого термина восстанавливается как **IVžm-/IVižm-*. С учетом вышеказанного в отношении вокализма первого слога в прибалтийско-финской и заволочской топонимии и лексике, для прибалтийско-финских территорий (*V = e, i*) эта реконструкция может быть сравнена с фин. *lisma*, саам. *lism^e*, вепс. *ližm* "болото, илистая вода", откуда производят русск. *лижмы*, *личма* "пльвуны, топкие берега", *лизма* "низкий заболоченный берег" [Фасмер, 2: 494, 506; Kalima 1919: 154; Nissilä 1967: 47; Меркурьев 1979; Алатырев 1948; Субботина 1985] и с карел. *lidma* "слизь, мокрота"¹⁵. Вариант же **lažm-/latšm-* (*V = a*) сопоставим с коми *lažmid* "неглубокий, мелкий" и мордовск. *lašma*, *lašmo* "долина, болотистая низменность", *ložmo* "яма, впадина".

Приведенные финно-угорские термины очевидно лежат в основе таких названий как финское *Listajoki*, карельские оз. *Лижменское*, оз. *Лижмозеро* и р. *Лижма* (на *Лежмо озери... на Лижмо озери... на усть Лажмо речки*) [Книги 1930]), р. *Лезма* (Приладожье,

¹⁴Л.А. Субботина связывает это название с прибалт.-фин. *lehtmä*, *leht* "корова" [Субботина 1975]. Это слово очевидно легло в основу (через антропоним **Lehtoi*) названия дер. *Легмой* (кар. *Lehtoi*) у р. Видлица. Но производить от него большинство указанных топонимов было бы, вероятно, неправильно.

¹⁵Хотя Фасмер считает, что *lidma* не имело праформы **ližma/lišma*, Хакулинен приводит множество примеров с **-ž- > -(d)-*.

1564 г. [Самоквасов 1909]), р. *Ледьма*, р. *Лидма*, о. *Ледманшуари*, оз. *Лидмах*, оз. *Лидмаламни*, несколько деревень *Лаима* в Рязанской обл., р. *Лосьма* басс. Мокши. С реконструируемым же **IVšm-/*IVtšm-* можно соотнести некоторые топонимы, лежащие вне области бытования современных финно-угорских терминов (подчас и вне области современного обитания финно-угорских народов): оз. *Lastmas-jauraz* на Кольском п-ве; *Lismanis* в Латвии; р. *Laštuo* в Литве; дер. *Леицина* в Белозерье [Акты СВ, 2: № 223]; р. *Лочма* в Переяславском уезде [Акты СВ, 1: № 545]; реки *Лосьмянка* и *Лосьмина* к западу от Москвы; р. *Лесми* в басс. Малой Оби.

Таким образом, финно-угорское происхождение термина *лагмас* (и *вагмас*) представляется наиболее вероятным, хотя точную этимологию мы предложить затрудняемся. Видимо, эти термины возникли в языке финно-угорского (не саамского) населения Заволочья, родственного языкам как волжских, так и прибалтийских финнов, в формах, близких к **latšm-*, **vatšm-*. Дальнейшая их эволюция протекала по прибалтийско-финскому типу (ср. с карел. *elihmä* (с протетическим *e-*?) и эст. *võhmas*) и привела к тем формам, что послужили источником русского заимствования.

ласта

В архангельских говорах *ласта* "береговая трава, вид сена", в приуральских и пермских "низменность, равнина, луг; заболоченный участок на берегу реки" [Фасмер, 2: 463; СлРЯ, вып. 8]. Раннее употребление датируется 1624 и 1674 гг., но имеются более ранние (XIV–XV вв.) упоминания топонимов, производных от исходного нерусского термина. Таковыми, очевидно являются *пожня в Лосты* (р-н Чухченемы в Подвинье) [ГВНП 1949: № 170], р. *Лоста* – пр. Лежи в басс. Сухоны [Акты СВ № 297, 294]; *Лостицы* в р-не Песи [НГБ 1986: № 167]. Назовем еще дер. *Ластепала* на Пинеге, дер. *Ластома* на р. Кащинка басс. Волги. В Финляндии есть озеро *Ластуярви*, на Карельском перешейке была дер. *Luosta* [История 187: 505], в Карелии – оз. *Луаштанга* басс. Кепы (карел. *Luostanki*, в 1599 г. – *Лостозеро* [Мат. 1941: 227], на карте 1728 г. – *Лошито*); на Кольском п-ве – ручей *Ластмуруай*, озера *Lastjaur*, *Laštjaur*. Эти последние можно связать с саам. *lāšī^A* "мокрый березняк с кустиками морошки; сырой еловый лес с березняком" [Иконен 1958: 206]. Не беремся утверждать, что северорусский диалектизм восходит именно к саамскому источнику. Это слово могло существовать и в архаичном языке прибалтийско-финского типа Чуди Заволочской, ср. современное фин. *luhta*, ливвик. *luhtu*, вепс. *luht*, водск. *luhta*, эст. *luht* "пойма, сырой прибрежный луг; лужа, залив; заливной луг, высокая береговая трава", откуда производят олон. *лухта* "мелкое место на озере, поросшее травой", вологодск. *лохта* "заболоченное место" [Kalima 1919: 187; ПФГЛ 1991: 56]. Прибалтийско-финские термины могут восходить к древнему **lusta*, на былое существование которого указывают названия р. *Лустовка* басс. Тосны, дер. *Залустежье* в басс. Луги (Калима к списку прибалтийско-финских терминов привел и рус. *ласта*, но заметил, что это слово этимологически неясно и должно быть отделено от *лухта*). Таким образом, фонетически *ласта* совпадает с саамским термином, а семантически ближе к терминам прибалтийско-финским.

пенус

Слово *пенус*, *пендус*, *пентус*, *пёнтус* известно в пудожских говорах Карелии и в Архангельской области (Шенкурск, Каргополь, Нядомский и Вельский р-ны) в значении "поросшее травой болото, на котором косят лишь в засушливые годы; покос в сыром месте; травянистое болото" [Фасмер, 3: 232; Дерягин, Комягина 1972; ПФГЛ 1991: 69]. А.И. Попов указывал, что так называли и траву, скошенную на таком

болоте, приводя из актов XVII в.: *сена чистого пендуса* [Попов 1955: 16–17]. Форма *пенус* распространена на северо-западе Русского Севера, а *пендус*, *пентус* – на юге Архангельской обл. [Дерягин, Комягина 1972; Матвеев 1995]. Известна дер. *Пендуз* в Вологодской обл. [Чайкина 1988].

Признанной этимологии слова нет. Я. Калима [Kalima 1919: 183] сравнивал его с карел. *rainoš* "болотистая низина между холмами", откуда выводят беломорское *пайнос* [ПФГЛ 1991: 69]. Против этого выступал А.И. Попов, предполагавший заимствование из вымершего финно-угорского языка. А.К. Матвеев, соглашаясь с критикой Поповым этимологии Калимы, заметил, что соответствий словам *пенус*, *пентус* пока не удалось найти ни в финно-угорских, ни в самодийских языках (ввиду чего он обратил внимание на созвучие с лит. *riaunus* "сенокосное болото", *rianiš* "ложбина"). Отмечается также неясность происхождения финали -ус и необъяснимость колебания *пенус* ~ *пендус* на русской почве [Kalima 1919; Матвеев 1995].

Последнее имеет принципиальное значение, ибо без выяснения вопроса о первичной форме русского заимствования невозможно серьезно ставить вопрос о его источнике. Укажем, что в употреблении заимствованных терминов и топонимов, содержащих консонантные группы с *n* или *m*, на Русском Севере, в частности в Карелии, как раз наблюдаются колебания, которые могут объяснить и наш случай. Сравним:

оз. *Шайдомозеро*, в 1597 г. – *Шайбоозеро* [История 1987], оно же *Шундоло*, *Шандома*, *Шандомское* [Каталог 1959];

пор. *Шайрукша* (Нижний Выг), он же – *Шонрукша* [Никольский 1927] (видимо из саам. **Šaap-roxša* "Чертова Куча");

оз. *Шаньгима* и р. *Шаньга*, в 1563 г. – "по *Шаймы* реки да по *Шайму* озеру" [Книги 1930];

оз. *Тамбичозеро* и р. *Тамбица*, в 1558 г. – *Тямьеть озеро* [Акты 1988: 143], в 1628 г. – *Таймица* [АИ 1842, 3: 247];

в *Глубокой Пяндеге* (р. Свирь) в 1563 г. [Книги 1930], позднее – *луда Пейтега*, *луда Пендега* [Озерецковский 1812]

Лайбола, *Лямбилица*, *слободка Либелицкая* в одном документе XVI в. [Самоковасов 1909];

Лейбой Наволок, он же *Лембой наволок* [Книги 1930].

к *Шале реки промеж двух лайбин* (вместо обычного *ламбин*) в записи 1505 г. [Мат. 1941: 127]. Последний пример приводит и Калима, иллюстрируя его другими случаями вариантности северорусских заимствованных терминов: *койга* и *конга*, *шайга* и *шаньга*.

Надо сказать, что это явление могло развиваться в северорусских говорах под влиянием финно-угорского языкового субстрата, ибо оно известно и собственно прибалтийско-финским языкам. Так, фин. *loima* "вересняк", эст. *loim* "озерцо; изгиб ручья, заросший травой" сравнивают с фин. *lotma*, кар. *lodma*, лив. *lodmi*, люд. *lodm* "овраг, низина", иллюстрируя вариантами написания собственных имен: личного имени *Loima*, в 1552 – *Lodma*, 1546 – *Loijdma*; дер. *Loima*, 1573 – *Loimajja*, 1489 – *Loydma*; р. *Loimijoki*, 1439 – *Loymeioki*, *Lodmaioki*, *Lodhmaioki*, [SKES: 301].

Таким образом, если русск. *пенус* первоначально звучало как **пейнус* (ср. *райда* наравне с *рада*, *байна* и *баня*), оно может рассматриваться как вариант *пендус*, *пентус*, причем первичной (наиболее близкой к источнику заимствования) следует считать именно последнюю форму.

Что же до *s*-ового окончания термина, то подобные нередки в саамской и вепсской топонимии. В саамских топонимах они могут происходить из суффикса прилагательных *-es*, суффиксов отглагольных существительных *-esš*, уменьшительных *-(e)nes*, *-az*, *-až* [Керт 1988; 1991]. Последний элемент также часто образует свернутые формы топонимов: *Labb-jawr* > *Labbaz* [Itkonen 1958: XXI]. Часты топонимы на *-с(э)* на вепс-

ской территории: *Салмас* (при *salmi* "пролив"), *Карас* (при *kar* "залив"), *Ламбас*, *Ламбаз* (при прибалт.-фин. *lampi, lambi* "озерко") и т.п. И.И. Муллонен полагает, что окончание *-as(-us)* могло присоединяться к основе еще в дотопонимическом, апеллятивном употреблении, указывая вепс. *kaskez* "подсека" при прибалт.-фин. *kask(i), kaiduz* "пролив" при *kaid* "узкий", *kukkaz* "холм" при прибалт.-фин. *kukko* [Муллонен 1991; 1994; 19–20]. С-овые финалы мы находим и в русских заимствованиях, ср. *шеймус* "место нереста семги, нерестовая яма" с карел. *šeimi, šoimi* "кормушка, колыбель" [Матвеев 1993], архангельское *ламбас* "в болоте озеро" [Свиный 1829] с карел. *lambi* "лесное озеро".

В современных языках *пендус/пентус* (<**penduz*/**pentus*) не находит явных соответствий кроме, разве что, саам. *pīndta^d* "разливаться" (о реке) [Itkonen 1958: 363], откуда можно предположить прилагательное **pindtes* или существительное **pindtaž* "место, которое заливается в половодье (и где в межень можно косить траву)" (см. карельское название *Пиндуши*). Однако более выразительные, хотя территориально более далекие, аналогии обнаруживаются, если принять во внимание более древнюю форму предполагаемого этимона. Согласно [Setälä 1902; Хакулинен 1953] *-t-* в **pentus* должно восходить к **-tš-/*-dž-*, ср. фин. *lansi, lanto*, мордовск. *landaka*, самодийск. *lamdo, labi* с ливск. *loñš, láiñš* "низина, низкое сырое место"; фин., карел. *petäjä* с саам. *piets*, марийск. *pündžo* "сосна"; фин. *kaita* с саам. *k¹eDž²E* "узкий"; прибалт.-фин. *notk(o)* с саам. *nu¹š²κ³E*, *njoaske, nuetsk* "низина, сырая долина" и марийск. *notško* "мокрый".

Реконструируемая основа **pentš-/*pendž-* (ср. с названием *Пензюла*, позднее *Pensola* на р. *Пенсанйоки*, оз. *Pönsonlambi* в Приладожье [История 1987: 172], р. *Понзема* (XVI в.; ныне – *Гридина*), р. *Понча* басс. Ковды, *ручей Пенча* басс. Свири [Книги 1930]) может быть сопоставлена с коми-зыр. *пеньдзей* "высохший ручей", ненецк. *пензя* "овраг, высохший ручей с крутыми берегами" [Поспелов 1988: 150], селькупск. *понджа* "открытое болото", откуда русск. (Зап. Сибирь) *поньджа* "безлесное открытое болото; высохшее болото" [Мурзаев 1984: 454]. Здесь мы имеем близость и фонетического облика основ, и семантики, неизменно содержащей понятие высохшего (сезонно или окончательно) водоема, водотока. Очень вероятно, что та же основа отразилась (с иным развитием древней семантики) в прибалтийско-финском слове со значением "куст(арник)": фин. *pensas*, карел. *penžaž*, людик. *pendzahaine*, вепс. *penzag, pēzag, pen^dzag*, эст. *põsas*, что подтверждает нашу реконструкцию. Поэтому можно полагать, что в языке Чуди Заволочской, близком к прибалтийско-финскому языку-основе (и в своем развитии прошедшим ряд стадий, характерных для прибалтийско-финских языков) имелось слово **pentš-/*pendž-* > **pentus*/**penduz*, которое и послужило источником русск. *пендус, пентус* ~ **пейнус, пенус* (хотя, как мы видим, эволюция основы **pendž-* у Заволочской Чуди привела к иной эволюции аффрикаты, нежели в прибалтийско-финских языках). Возможно кар. *rainoš*, беломорское *пайнос* этимологически родственны этой основе, но судить о том, является ли карельское слово реликтом древней финно-угорской основы (см. у Хакулинена о переходе **ai* > *ei*, а также русск. *райно* наравне с *рейно* [Фасмер, 3: 436]) или же заимствовано из русского диалектизма (вариант к **пейнус*), мы не беремся.

поча

Термин известен олонецким и архангельским говорам: *потча* "речной или озерный залив, губа"; *поча, поца* "лужа, болото, старое русло реки" [Фасмер, 3: 347; Алабугина и др. 1974]. Топонимы, содержащие этот термин или его финно-угорский источник, распространены в Карелии, Архангельской и Вологодской обл.: заливы *Поюца* на оз. Верх. Куйто и *Пожа* на оз. Ниж. Куйто, *Подзялахта* на Водлозере; бол. *Поджасуо*

у Коткозера; р. *Почага* (*Пучага*) басс. Водлы; дер. *Юрпуча* в восточном Прионежье; *Почозеро*, р. *Поча* басс. Онеги (на реке *Поче* – 1556 г. [АИ 1842, 1: 305]); реки *Пожа* и *Поч* в басс. Мезени; *Поча* – пр. Ваги (от *Почи реки... до Поци* – XV в. [ГВНП 1949: № 278]); *Поча* – пр. Пинеги (в устье образует бифуркацию); дер. *Лучуга* на бифуркации Сев. Двины; *Поча*, *Почакина речка* (1556 г.) – притоки Шексны [Акты СВ, 2: № 316]. В [ПФГЛ 1991] приведены микропонимы с элементом *Подж-*, *Поч-*, *Поч-* на юге и востоке Карелии, а в [Алабугина и др. 1974] русские топонимы с апеллятивом *поча* (*Ореховская Поча*, *Большая Поча*) в Виноградовском р-не Архангельской обл.

Можно полагать, что таково же происхождение ряда более южных топонимов, приуроченных с соответствующим видам объектов (болота, старицы, речные бифуркации, заливы озер). Например: деревни *Почугинское* на р. Меглинка, пр. Мологи; *Поцелы* у р. Кашинка (пр. Волги); *Почеп* у р. Орша басс. Тверцы, на р. Корожечна (дважды) и в верховьях Мсты; *Поцел* на рр. Черная и Уйवेशь басс. Мологи; оз. *Почаево* на р. Дивонка басс. Мсты; р. *Почебож* в мерянских землях; р. *Пожба* басс. Оки в Рязанской обл.; р. *Почварга* в басс. Мокши; *Поцинь* (в 1136 г. [ДКУ 1976]), ныне *Пацинь* в Брянской обл.; *Потси* в Эстонии; *Поцием* на севере Латвии; *Почап* у р. Оредеж, пр. Луги; *Свануце* в углу западного плеса оз. Селигер; *Пожеревицы* на р. Судома, пр. Шелони; *Почеп* (а рядом дер. *Губенка!*) в истоке р. *Поша* басс. Ловати¹⁶. Возможно сюда же относятся и названия р. *Почага* (ныне *Почайна*) в Нижнем Новгороде; *пустошь Почаина на речке на Почаинке* в мордовских землях [Анпилогов 1977: 18].

Происхождение русск. *поча*, *поца*, *потча* Фасмер называет неясным. И.И. Муллонен и Н.Н. Мамонтова высказали предположение о его связи с вепс. *poze*, *roza* "топкое место, лужа" (в Волог. обл.), *poža* "яма на лугу, омут в реке" (северовепсское) [ПФГЛ 1991: 74–75]. Думается, что это совершенно правильно. Но семантика указанных лексем, география соответствующих топонимов и форма русских диалектизмов говорят, скорее о том, что связь эта не прямая. Мы полагаем, что сам современный вепсский термин является реликтом древнего прибалтийско-финского слова, существовавшего и в языке Заволочской Чуди (откуда было заимствовано русскими). С учетом формы и семантики вепсских и русских слов, а также фин., карел. *rohja*, людик., вепс. *roh* "дно водоема; бухта; угол залива" [ПФГЛ 1991: 73] это слово восстанавливается как **pošal/*podža* "залив, протока → заросший водоем, старица, заболоченный берег у водоема". Это значение поддерживается белозерским *похта* (ср. с *roh*) "болото; заросшее озеро и озеро в болоте; топкое место; низкий заболоченный берег реки, озера", архангельским *пахта*, *пахтовина* "болото; заросшее русло реки" [Мусихина 1984]. Л. Хакулинен праформой к *rohja* дает **pož(j)a*, что не объясняет русского слова и топонимов с *поч-*, *потч-* (возможно древний термин имел диалектные варианты).

согра

Термин *согра* распространен на обширных территориях Русского Севера с основным значением "болотистый лес" [Фасмер, 3: 706; Мурзаев 1984: 511–512]. В письменных памятниках слово фиксируется лишь с XVII в., производные от него топонимы уже с XV в. На разных территориях *согра* имеет местные варианты *шогра*, *шохра*, но соответствия *с-/ш-* и *-г/-х-* полагаются необъяснимыми на русской почве [Востриков 1978]. Неясным остается и происхождение слова [Kalima 1919: 16; Попов 1948; Мурзаев 1984; ПФГЛ 1991: 89].

На наш взгляд для решения этого вопроса необходимо привлечь ряд других русских диалектных терминов с близкой семантикой (*кугра*, *кегора*, *чагра*, *шигар*) и рассмотреть территориальное распределение и этих терминов, и созвучных им топонимов.

¹⁶Конечное *-н* в ойконимах *Почап*, *Почеп*, *Поцел* возможно отражает прибалтийско-финское *pa(a)*, *pa*, "голова, вершина", в топонимах "край, конец деревни": *Аланья* "Нижний Конец", *Ликонья* "Грязный Конец".

Картина вырисовывается следующая (1–2 столбцы таблицы): рассматриваемые термины и топонимы образуют широкую полосу, простирающуюся от Финляндии до Оби. В средней своей части эта полоса выпускает "язык", уходящий на юг в среднерусские и даже украинские территории. Заметим, что имеющийся лексический и топонимический материал взаимно перекрывается не везде, но в целом территория, покрываемая им, является сплошной. Достаточно плавно и согласованно (в смысле отношения термин/топонимы) изменяется и фонетический облик лексических и топонимических основ. Наблюдается и плавное изменение значения терминов, вызванное или изменением ландшафта, природных условий данной территории, или сдвигом семантики термина по типу: тип местности – пригодность местности для ведения хозяйства (оленеводства).

Северо-западные и северо-восточные варианты термина находят хорошие соответствия в лексике соответствующих финно-угорских языков (3 столбец). В центре ареала оказываются варианты *согра*, *шогра*, *шохра*. Фонетически и территориально они близки вепс. *šohring* "болотина". Но вепсское слово не может определенно считаться источником русского термина. Вообще наблюдаемая картина свидетельствует о том, что не существовало единого источника всех вариантов русского термина (или, что вероятней, терминов), а они были заимствованы из родственных, но уже различавшихся к моменту заимствования слов финно-угорских языков. Так что правильнее было бы предположить, что *согра* и *шогра* заимствованы из архаичных диалектов Веси или Чуди Заволочской, а *шохра* из мерянского языка. Сложнее с южными *цигор* и *чагровник*. Здесь потенциально есть две возможности. Термин мог быть перенесен на юг славянским (или смешанным славяно-чудским) населением. Но он мог иметь и местные корни, скажем древне-мордовские.

содера

Слово *содера*, *садера* известно на Русском Севере в значении "заболоченный лес; лес, растущий на кочковатом болоте" [Мурзаев 1984: 491]. В древних памятниках не встречается и практически не представлено в топонимии (разве что в названии р. *Сдерюшка* < **Содеришка* во Владимирской обл.). Единственная этимология, заслуживающая внимания, принадлежит А.К. Матвееву [1964]: марийск. *чодра* "лес". Считаем небезынтересными и фин. *suo töygy* "болотный холм", *suotura* "трясина, жидкая болотистая почва", саам. *šaidar* "болотное место".

*

Из анализа рассмотренных географических терминов следует, что до начала русской колонизации, к которой хронологически близко появление здесь прибалтийско-финских и мерянских элементов, на территории Заволочья проживало население, говорящее минимум на двух типах диалектов. Первый тип может быть определен, как саамский (что и раньше не вызывало сомнений); с ним связан термин *едома* и, возможно, *содера*. Второй тип, при всем его своеобразии, наиболее близок к прибалтийско-финским языкам, а порой к прибалтийско-финскому языку-основе. С этим типом диалектов мы связываем термины *поча*, *лагмас*, *вагмас*, *согра*, *пенус/пендус* (*ласта* и *койдома* могут, в принципе, происходить из диалектов как саамского, так и прибалтийско-финского типов). Однако, эти заимствования не могут быть возведены к единому диалекту прибалтийско-финского типа. Рассмотренные термины демонстрируют в одних случаях сохранение финно-угорской аффрикаты *-tʃ-* (*поча*), в других – результаты ее эволюции в *-h-* (*лагмас*) или *-d(t)-* (*пендус/пентус*). Поэтому приходится считать, что либо обсуждаемый язык Чуди Заволочской прибалтийско-финского типа эволюционировал уже в эпоху славянского освоения Русского Севера (и протиполоставляемые заимствования разновременны), либо, что более вероятно, на терри-

Русские термины и их распространение	Топонимы на соответствующей территории	Возможные языковые источники
<p><i>кегора, тегора</i> "местность, удобная для выпаса оленей, богатая ягелем" [ГСК 1939; Фасмер; Меркурьев 1979]. "густой олений мох" [Алатырев 1948] (Кольский п-в, Карелия)</p> <p><i>кугры</i> "подмытые водой берега", <i>кугровина</i> "кочка на пожне", <i>кугра</i> "болото с кочками" (юго-восток Карелии) [ПФГЛ 1991], "топкое болото" (Белоозеро) [Субботина 1985]; <i>кугра, кугорка</i> (Кенозеро) "низкое сырое место" [Кенозеро 1987]</p> <p><i>чагровник</i> (Каргополье) "низменное сырое место, поросшее чахлым лесом" (то же: <i>согра, сугра, шогра</i>) [Гусева 1971]; <i>чагра</i> (юг Арханг. запад Кировск. обл.) "густой труднопроходимый лес на сыром месте"; <i>чагора</i> (Красноборский р-н Волог. обл.) "чаща; топкое место на болоте; непроходимое сырое место в лесу" [Востриков 1981]</p> <p><i>согра</i> "низменное сырое место, поросшее чахлым лесом" (Каргополье) [Гусева 1971]; "густой кустарник у реки; сырое место, заросшее кустами" (Виноградовский р-н Арханг. обл.) [Алабутина и др. 1974]; "болотистый чахлый лес" (Белозерье; Арханг. обл.) [Субботина 1985; Востриков 1978]; "старница, вытянутое заболоченное понижение" (воронежск.), "заболоченный черноольшаник в пойме" (тамбовск.) [Мурзаев 1984]</p> <p><i>шогра</i> (Каргополье, Белозерье) "низменное сырое место, поросшее чахлым лесом" [Гусева 1971; Востриков 1978]</p> <p><i>шахра</i> (Волог. обл.) "сырой кочковатый луг; сырые понижения с ельником с мощным моховым покровом и редким подростом"; (Кировск. обл., Чуломский р-н Костр. обл.) "гнилой низкорослый лес на болоте" [Востриков 1978; Мурзаев 1984] ? (Гверская обл.)</p> <p><i>шигар</i> (Приуралье) "густой сосняк на болоте; моховос болото с мелким и густым сосновым лесом" [Матвеев 1962]</p> <p><i>цигор</i> (хурское, устаревшее) "сухое место на болоте; незатопляемая часть поймы: насыпь песка у реки" [Черепанова 1992] укр. <i>чагар, чагарник</i> "кустарник"</p>	<p>р. <i>Kekarusjoki</i>; оз. <i>Тогроярва</i> [Кн. 1500] (Финляндия); <i>Kiekeröläksi</i> – зал. оз. Хайколя; дер. <i>Чегравара</i> [Самоквасов 1909]; р. <i>Шигренджа</i> басс. Выга; дер. <i>Кегаровщина</i> (Заонежье); оз. <i>Дегра</i> басс. Суны</p> <p>микротопонимы <i>Согра</i> в Каргополье; <i>Согра, Согорка</i> по Шиленьге; <i>Согра</i> в верховьях Пинеги; р. <i>Тегра</i> басс. Двины; <i>Майсогра</i> (р-н Ваги) [Акты СВ, 3: № 290]; <i>Согорки</i> на р. Сямжена басс. Сухоны</p> <p><i>Шогра Великая</i> в Кеме (1490 г.), <i>Шограш</i> Вологодск. уезда (1503 г.) [Акты СВ, 2: № 298, 308] р. <i>Шахраш</i> Нерехотской волости [Акты СВ, 1: № 196], дер. <i>Сахарож</i> в Ярославск. обл.; дер. <i>Шухра</i> в басс. Черли Клязьминской</p> <p>рр. <i>Шегра, Шегринка, Шегра</i>; оз. <i>Тагрань</i>; дер. <i>Чигариха, Чигориха</i>; остров <i>Чиграва</i> (Волга); р. <i>Шугор</i>, пр. Печоры; дер. <i>Чигара</i> к СЗ от Томска; дер. <i>Шогринское</i> к СВ от Екатеринбурга; р. <i>Шегарка</i>, пр. Оби, уроч. <i>Согра</i> в Курганск. обл. дер. <i>Шигры</i> Калужск. обл.; р. <i>Шигор</i> басс. Сейма; пос. <i>Шигры</i> в басс. Сосны</p>	<p>карел. <i>kiekerö, čiekerö</i>, саам. <i>šieggar, tšiegar, tšëgar</i> "зимнее оленье пастбище" [Тконен 1958; ПФГЛ 1991; SKES]</p> <p>вепс. <i>kuhr</i> "небольшая яма в лесу, на болоте", <i>kuhrikas</i> "топкий, неровный" [ПФГЛ 1991]</p> <p>вепс. <i>šohging</i> "болотина (заболоченное место)" [ПФГЛ 1991]</p> <p>марийск. <i>шыргы</i> "лес" [Востриков 1978]</p> <p>хант. <i>tšger</i> "мелкая сосна", селькупск. <i>согыр</i> "топкое место с мелким кустарником" [Матвеев 1962; Мурзаев 1984]; манс. <i>sali-šig</i> "оленье пастбище"</p>

тории Заволочья одновременно были представлены две группы диалектов прибалтийско-финского типа: на северо-западе более архаичная, на юго-востоке эволюционировавшая в направлении, сходном с финским, карельским (собственно карельское наречие), эстонским языками. То есть в этом отношении в Заволочье реализовалась картина, схожая с той, что имеет место для современных прибалтийско-финских языков, часть которых (южнокарельские наречия, вепсский язык) сохранила некоторые архаичные фонетические элементы (в ряде случаев имеющиеся также в волжских и саамских соответствиях)¹⁷. Этим в значительной степени снимается противоречие в выводах А.К. Матвеева (о субстрате "марийского" типа) и наших. За южной группой диалектов логично оставить определение Матвеева "севернофинские". Северную справедливо было бы назвать "чуждской".

Особого разговора заслуживает территориальное распространение топонимов, связанных с финно-угорскими источниками обсуждаемых заимствований (мы уже обращали внимание на поразительный ареал топонимов, восходящих к др.-фин. **tšúžm*- (фин. *systmä*) "лесная глушь", саам. **tšaotšam* "равнина или холм, поросшие густым лесом" [Шилов 1996: 72–73]). Здесь лишь ограничимся топонимами с элементом *-edom*. Это не единственный, но один из наиболее ярких, наглядных (и бесспорных притом) примеров распространения "саамизмов" далеко на юго-восток от районов не только нынешнего и относительно недавнего (Южное Приладожье, Обонежье) проживания саамов, но и от районов, где массовые саамизмы в топонимии не вызывают сомнения, хотя пребывание там саамов археологически и документально не зафиксировано (Заволочье, вепсское Межозерье [Муллонен 1990; 1994]). По нашему мнению, это говорит о былом присутствии в костромских землях предков саамов, точнее предков уральского компонента их генезиса. Впрочем, эти саамизмы могут оказаться на поверку финнизмами, то есть принадлежать народу, в контакте с которым восточные предки саамов сменили свой язык (самоидийского типа, как полагают многие) на язык финно-угорского типа¹⁸. Обращают на себя внимание, в свете сказанного, такие марийско-саамские лексические параллели (примеры взяты из словарей [Raasonen 1948; Itkonen 1958]: марийск. *šeŋgel* – саам. *soaŋŋk* "задний" (прибалт.-фин. *taka-, taga-* или *perä, perze*); марийск. *waweš, wapteš, wapš* "сеть для ловли птиц, зверей" – саам. *vüq̄v̄š^A, vüps^A* "полотно рыболовной сети"; марийск. *ize* (коми *ичöm*) – саам. *uts, uđtš* "маленький" (прибалт.-фин. *pieni*); марийск. *eŋeš* "ежевика, малина" – саам. *joŋŋ^a* "брусника" (прибалт.-фин. *vattu, vadelma* "малина", *puola, hol* "брусника"); марийск. *kumdu, *komda* – саам. *kov̄D̄i, koB̄^hi, komte, kom^dtaš* "широкий"; марийск. *nendže* "ил; слякоть"

– саам. *nješše, nēäšš^E* "грязь, вязкая почва"; марийск. *oto* "лес на возвышенности", *ata*. *oto* "остров; куст, роща, мелкий частый лес" (чуваш., татар. *atau*) – саам. *viŋđle, viowde*, "лес" (> фин. *outa*); марийск. *šukš* – саам. *šüčš^A, suhs, suok'sâ* "червь"; марийск. *ul'mo, ulmo* – саам. *olmaj, q̄lmq̄ž, q̄lmaj* "муж(чина)"; марийск. *koškam* – *keĎDzoD* "есть".

Так что не исключено, что тот же элемент *-edom* является волжско-финским (мерянским?) по происхождению, но соответствующий термин сохранился лишь в

¹⁷Мы не касаемся вокализма обсуждаемых топонимов и апеллятивных заимствований. Во-первых, здесь много сделано А.К. Матвеевым. Во-вторых, предстоит еще большая работа по разграничению явлений, связанных с неоднородностью языкового субстрата Заволочья с одной стороны, и с различием результатов освоения субстратной топонимии и лексики аборигенов славянскими пришельцами с другой. Напомним, что север и запад региона осваивался новгородскими словенцами, пришедшими с прибалтийско-финских земель и увлекшими с собой какое-то число карел и вепсов. Юго-восток Заволочья колонизовали ростово-суздальские кривичи, пришедшие с земель меря и волжских финнов.

¹⁸Для проблемы ранней истории "восточных" предков саамов интерес представляют факты, подобные следующему: близость саамского (диалекты Финляндии, см. прим. 1) *dwöksne, diegesnu* "задний" к др.-инд. *dakšina* "правый; южный" (формы слова в иных саамских диалектах и прочих финно-угорских языках сильно отличаются от вышеуказанных; см. в [SKES] статью *taka*).

саамском языке как заимствование, а в языке-источнике исчез. Этот и подобные факты (прим. 5) указывают на гораздо более восточные, чем это обычно считается (карту и литературу см.: [Муллонен 1994]), территории, где саамский язык начал формироваться как язык финно-угорского типа. Нынешний же, свой прибалтийско-финский облик он, по-видимому, начал обретать именно в Заволочье или на ближайших к югу от него территориях, но вряд ли западнее. Таким образом мы возвращаемся, в известной степени, к гипотезе А.Л. Погодина [Погодин 1912: 107].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева Р.А.* 1990 – Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.
- АИ 1842* – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1–5. СПб, 1841–1842.
- Акты 1888* – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
- Акты писц.* 1990 – Акты писцового дела 60–80-х годов XVII века. М., 1990.
- Акты СВ* – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1–3. М., 1952–1964.
- Алабугина и др.* 1974 – *Ю.В. Алабугина, Т.А. Иванова, Л.В. Кульмаментьева, Г.А. Огонькова, Л.А. Пичугова.* Заимствованные апеллятивы в русских говорах Виноградского района Архангельской области и их отражение в топонимике // Вопросы ономастики. № 8–9. 1974.
- Алатырев В.И.* 1948 – Словник-вопросник по изучению заимствованных карельских, вепсских, финских и областных слов в русских говорах КФССР. Петрозаводск, 1948.
- Антипов Г.Н.* 1977 – Нижегородские документы XVI века. М., 1977.
- Востриков О.В.* 1978 – Несколько субстратных включений в русских говорах Костромской области (*сорьез, тохта, шохра*) // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978.
- Востриков О.В.* 1981 – Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981.
- ГВНП* 1949 – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
- ГНК* 1993 – Географические названия Карелии // Родные сердцу имена. Петрозаводск, 1993.
- ГСК* 1939 – Географический словарь Кольского полуострова. Ч. 1. Л., 1939.
- Гусев Л.Г.* 1971 – Заимствованные слова в географической терминологии Каргопольского края // Вопросы топониматики № 5. Свердловск, 1971.
- Дерягин В.Я., Колягина Л.П.* 1972 – Из истории и географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах // Вопросы изучения русских народных говоров. Диалектная лексика. 1971. Л., 1972.
- ДКУ* 1976 – Древнерусские княжеские уставы XII–XV вв. / изд. подг. Я.Н. Шапов. М., 1976.
- Европеус Д.П.* 1876 – Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей // Тр. II Археолог. съезда 1871. Вып. 1. Отд. 4. СПб., 1876.
- Жучкевич В.А.* 1977 – Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1971.
- История* 1987 – История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987.
- Каталог* 1959 – *С.В. Григорьев, Г.Л. Грицевская.* Каталог озер Карелии. Изд. АН СССР, 1959.
- Кенозеро* 1987 – Топонимика Кенозера. *В.Я. Дерягин, Э.С. Дерягина, Г.И. Манихин.* Архангельск, 1987.
- Керт Г.М.* 1988 – Словообразование имен в саамском языке // ПФЯ. Петрозаводск, 1988.
- Керт Г.М.* 1991 – Структурные типы саамской топонимии // ПФЯ. Петрозаводск, 1991.
- Кн. 1500* – Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года // Временник МОИДР. Кн. 11, 1851; Кн. 12, 1852.
- Книги* 1930 – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. // Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Л., 1930.
- Ларин Б.А.* 1959 – Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джеймса. Л., 1959.
- Лукичева Э.В.* 1985 – О происхождении некоторых топонимов Белозерья с компонентом *-весь, -вец* // Проблемы русской ономастики. Вологда, 1985.
- Мат.* 1941 – Материалы по истории Карелии XII–XVI в. Петрозаводск, 1941.
- Матвеев А.К.* 1962 – Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1962.
- Матвеев А.К.* 1964 – Субстратная топонимика русского Севера // ВЯ. 1964. № 2.
- Матвеев А.К.* 1966 – Ареалы некоторых субстратных основ в севернорусской топонимии // Вопросы географии. 70. М., 1966.
- Матвеев А.К.* 1968 – Пермские элементы в субстратной топонимии Русского Севера // СФУ. 1968. Т. 4. № 1.

- Матвеев А.К.* 1970 – Типы бытования географических терминов в субстратной микротопонимии Русского Севера // Вопросы географии. № 81. 1970.
- Матвеев А.К.* 1971 – Из истории изучения субстратной топонимики Русского Севера // Вопросы топонимастики. № 5. Свердловск, 1971.
- Матвеев А.К.* 1973 – Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования // Этимология 1971. М., 1973.
- Матвеев А.К.* 1974 – К этимологии коми-зыр. ВИС-(ВИСК-) // AL Academiæ scientiarum Hungaricæ. V. 24(1–4). 1974.
- Матвеев А.К.* 1979 – Древнее саамское население на территории Севера Восточно-Европейской равнины // К истории малых народностей Севера СССР. Петрозаводск, 1979.
- Матвеев А.К.* 1993 – Субстрат и заимствование в топонимии // ВЯ. 1993. № 3.
- Матвеев А.К.* 1995 – Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // ВЯ. 1995. № 2.
- Матвеев А.К.* 1996 – Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1.
- Матвеев А.К., Стрельников С.М.* 1988 – Лексические параллели между диалектами белозерских и кильдинских саамов (по данным топонимии) // Этимологические исследования. Свердловск, 1988.
- Меркурьев И.С.* 1979 – Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Муллонен И.И.* 1990 – Vepsians in Mezhozerye from place-name data // Proceedings of the XVII international Congress of Onomastic sciences. V. II. Helsinki, 1990.
- Муллонен И.И.* 1991 – Вепские фоноформанты // ПФЯ. Петрозаводск, 1991.
- Муллонен И.И.* 1994 – Очерки вепской топонимии. СПб., 1994.
- Мурзаев Э.М.* 1984 – Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Мусихина Э.С.* 1984 – К вопросу о формировании гидрогеографической терминологии в севернорусских говорах // Этимологические исследования. Свердловск, 1984.
- НГБ 1986 – *В.Л. Янин, А.А. Зализняк.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986.
- Никольский В.В.* 1927 – Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря // Труды Ин-та по изучению Севера. Вып. 36. М., 1927.
- Озерецковский Н.Я.* 1812 – Путешествие академика Н. Озерецковского по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмена. СПб., 1812.
- Погодин А.Л.* 1907 – К вопросу о русских словарных заимствованиях из финского языка // ИОРЯС. 1907. Т. 12. № 3.
- Погодин А.Л.* 1912 – К вопросу о древнем населении нашего Севера – лопарях и чуди // ЖМНП. 1912. № 11.
- Подольская Н.В.* 1983 – Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ. М., 1983.
- Попов А.И.* 1948 – Топонимическое изучение Восточной Европы // Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковедч. наук. Вып. 2. № 105, 1948.
- Попов А.И.* 1955 – Из истории славяно-финноугорских лексических отношений // AL Academiæ scientiarum Hungaricæ. V. 1–2. Budapest, 1955.
- Попов А.И.* 1974 – Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л., 1974.
- Попов А.И.* 1981 – Следы времен минувших: из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Поспелов Е.М.* 1988 – Школьный топонимический словарь. М., 1988.
- ПФГЛ 1991 – *Н.Н. Мамонтова, И.И. Муллонен.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Самоквасов Д.Я.* 1909 – Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2. М., 1905–1909.
- Свищев П.П.* 1829 – Изъяснение некоторых карельских слов, доказывающих существование там чуди // Отечественные записки. 1829. Ч. 38. № 110.
- Семенов В.П.* 1934 – *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Топонимическая карта Восточно-Европейской равнины // Труды I Всесоюзного географического съезда. Вып. 4. Л., 1934.
- СРНГ 1966 – Словарь русских народных говоров. Вып. 1– Л., 1966 –.
- СЛРЯ 1975 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–М., 1975 –.
- Субботина Л.А.* 1975 – Этимологический анализ некоторых субстратных топонимов северной части Белозерского края // Вопросы ономастики № 10. Свердловск, 1975.
- Субботина Л.А.* 1985 – Заимствования в географической терминологии Белозерья: Дис... канд. филолог. наук. Томск, 1985.
- Фасмер М.* – Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.

- Федоров А. И. 1971 – Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах // Диалектная лексика. 1969. Л., 1971.
- Хакулинен Л. 1953 – Развитие и структура финского языка. Ч. 1: Фонетика и морфология. М., 1953.
- Чайкина Ю. И. 1988 – Географические названия Вологодской области. Архангельск, 1988.
- Черепанова Е. А. 1992 – Южновеликорусская топонимия в писцовых книгах XVII в. // Центральпо-черноземная деревня: история и современность. М., 1992.
- Шилов А. Л. 1996 – Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.
- Шилов А. Л. 1997 – К происхождению гидроформанта *-ень/ь/га* в субстратной топонимии Русского Севера // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Петрозаводск, 1997.
- Itkonen T. J. 1958 – Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Osa 1–2. Helsinki, 1958.
- Kalima J. 1919 – Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.
- Kujala J. 1944 – Lyydilaismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944.
- Nissilä V. 1967 – Die Dorfnamen des alten ludischen Gebiets. Helsinki, 1967.
- Raasonen H. 1948 – Ost-Tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki, 1948.
- Setälä E. N. 1902 – Zur finnisch-ugrischen Lautlehre // FUF. 1902. Bd. 2. Hf. 3.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1–6. Helsinki, 1955–1978.